

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

По материалам наскальных изображений Боярских писаниц с привлечением археологических данных о жилищах тагарской культуры анализируются возможные конструктивные особенности жилищ тагарской культуры I тыс. до н. э. Поднимается проблема интерпретации конструктивных особенностей жилищ Бояр и их полисемантического значения. Рассмотрение наскальных изображений жилищ с привлечением этнографических и археологических данных позволяет более достоверно воссоздать их возможный типологический и конструктивный облик.

Ключевые слова: Хакаско-Минусинская котловина; тагарская культура; Боярские писаницы; конструктивные особенности жилищ; срубные и юртообразные жилища; традиционные жилища хакасов.

Материальная культура тагарского населения Хакаско-Минусинской котловины (ХМК) привлекает интерес за счет ярких находок, в большей своей части из многочисленных погребальных комплексов, расположенных в регионе. Помимо предметов погребальной культуры к числу находок, представляющих значительный интерес, но в меньшей степени изученных и достаточно редко встречающихся, относятся поселения и жилища тагарской культуры.

Жилище, являясь важным элементом материальной культуры, в значительной степени устойчиво к изменениям со стороны внешних воздействий и связано в целом с этническими процессами развития. Проблема изучения жилищ тагарской культуры на территории ХМК, изолированной от внешнего мира горными хребтами Саян и Алтая¹, актуальна в силу ограниченного количества археологических данных, плохой их сохранности² сложности и неясности интерпретации изображений таких жилищ на петроглифах.

Цель работы – на основе археологических, этнографических данных и наскальных изображений, реконструировать типологию и конструктивные особенности жилищ тагарской культуры региона.

Известным памятником наскальной культуры той эпохи, содержащей изображения жилищ тагарской культуры и свидетельствующей об общности материальной и духовной культуры, являются Боярские писаницы Боградского р-на Республики Хакасия. Временем их создания считается II в. до н. э. – первая половина I тыс. н. э. [3. С. 96].

История изучения Боярских писаниц связана с именами ряда исследователей [3–8]. Боярские писаницы являются уникальным памятником древности, ярко представляющим региональную традицию петроглифов тагарской культуры VIII–II вв. до н. э. В изображении Боярских писаниц (Большой, Малой, Новой), представляющих единое композиционное и семантическое единство, центральное место древними художниками выделено изображениям древних поселков, состоящих из жилищ: юртообразных и, вероятно, деревянных срубного типа, которые являются уникальными источниками сведений о жилищах тагарской эпохи³. В научном мире именно изображения жилищ стали предметным полем гипотез и версий их типологии и функционального назначения. Проблема интерпретации типологически разных жилищ Боярских писаниц актуальна в силу вариативности суще-

ствующих точек зрения на их типологию и имеющейся в распоряжении исследователей весьма ограниченной источниковой базы. Существующие типологические варианты интерпретации жилищ Боярских писаниц следующие: жилища «типа юрт» [5. С. 8, 9]; бревенчатые дома [4. С. 41–45; 5. С. 8; 10. С. 45]; юртообразные жилища [10. С. 45–46]. В целом все исследователи типологически относили жилища к двум основным типам: юртообразным (см. рис. 1–3) и деревянным (см. рис. 4). Жилища, имеющие горизонтальные полосы (на Малой Боярской писанице) на острове (см. рис. 1), ряд исследователей считает волосяными веревками, а шалаши такого типа в это время были перевозными посредством колесного транспорта, как у средневековых монголов [11. С. 49–50; 12. С. 254]. Спорность данной точки зрения – в отсутствии материальных свидетельств о наличии колесного транспорта у тагарского населения⁴. Таким образом, из специфики самих писаниц как исторического источника, рождаются спорные и неоднозначные утверждения.

Искусство (в том числе и наскальное) является отражением духовного мира и материальной культуры человеческого общества на протяжении всей его истории. Считается, что произведения наскального искусства несут сакральный характер, создаются в магических целях и в особых местах⁵. Уровень развития искусства всегда сопоставим с мировоззрением и миропониманием человека⁶.

Семантика – наиболее скрытая сторона петроглифов, о ней можно высказать только самые общие предположения. Изображения жилищ Боярских писаниц, вероятно, следует рассматривать как единое представление тагарского населения о жилище как земном центре мироздания, в котором нашла свое проявление идея мифологического мироустройства, схема Вселенной. Мир в воззрениях тагарцев имел трехчастную структуру: уровень земли, уровень человека, уровень неба [15. С. 123]. Исследования Д.С. Раевского о скифской культуре вырисовывает единство трехчастности Вселенной в их религиозно-мифологическом представлении [16. С. 289]. В образе жилищ тагарского населения прослеживается тесная связь и параллель между образно-концептуальной моделью мира.

В традиционной культуре большинства народов жилище универсально, оно представляет и структурирует мироустройство.

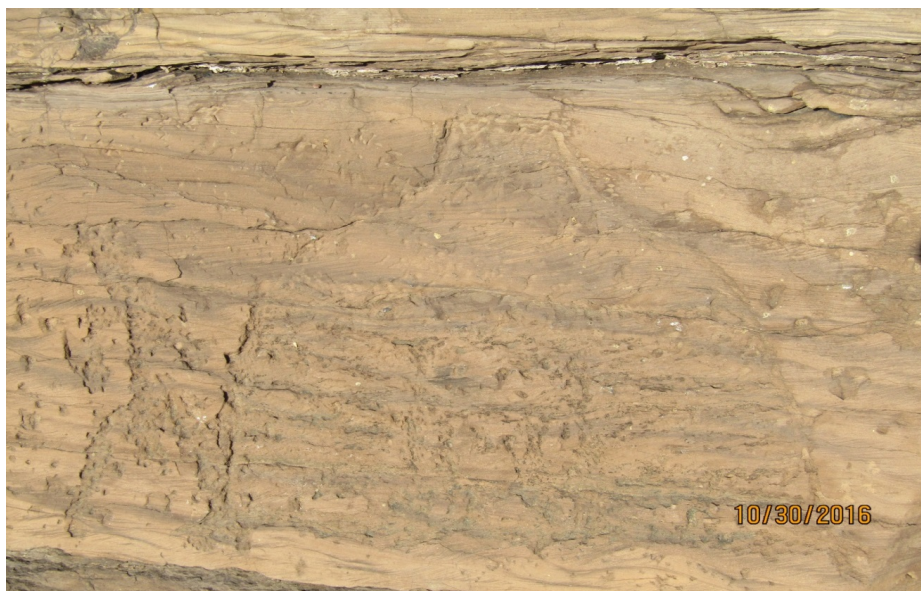

Рис. 1. Малая Боярская писаница. Юртообразное жилище (фото автора; без масштаба)

Рис. 2. Большая Боярская писаница. Юртообразное жилище (фото автора; без масштаба)

Рис. 3. Большая Боярская писаница. Юртообразное жилище (фото автора; без масштаба)

Постройка жилища отражает акт Мироздания и поэтому несет в себе нечто священное [17. С. 40]. Жилище всегда очень органично с окружающей природной средой, несет в себе черты всеобщего ее подобия, являясь микромоделью мира. Жилище тагарцев также структурирует картину мира, а его части, видимо, представляют основные уровни Вселенной. Жилище в этом представлении дублирует Мировое дерево. Так, извлеченные пни деревьев, закопанные корнями вниз и вверх в погребальном дромосе Большого Салбыкского кургана, свидетельствуют о распространении у тагарцев культа Мирового дерева [18. С. 7–8]. Мифологема Мирового дерева, как и жилище человека, соотносится со значением Середины (срединности), олицетворяет неразрывную связь нижнего и верхнего миров, что соотносится со значениями жизни и смерти. Данное соотношение позволяет объяснить бытование жилищ у тагарцев и их конструктивных особенностей и (или) использование их аналогов в погребальной обрядности.

В последующие этнографические эпохи лиственница, как и береза, были наиболее распространенными деревьями сеоков хакасов. Сообщество людей, объединенное одним деревом, было крупнее, выходило за рамки сеока и являлось более ранним по своему формированию. В тесной связи дерева и человека прослеживаются представления мировоззренческого характера, связанные с основными этапами жизненного цикла человека и дерева у хакасов выражались в идентичности их названий: например «салаа» – палец, ветка дерева, сук [20. С. 434]; «тамыр» – артерия, вена, пульс, корень, разветвление корня, наследственность [Там же. С. 587]. В хакасском фольклоре сокращение количества членов семьи, сеока ассоциировалось с подрубанием ствола или веток дерева.

Следующей проблемой интерпретации жилищ на писаницах является их восприятие как вымышленных либо имеющих реальные прообразы. В пользу реалистичности жилищ Боярских писаниц склоняет вариативность их типологических конструкций, представляющих нашему взору: это жилища, напоминающие юрты; жилища срубного типа; жилища, совмещающие в себе черты первых и вторых. Надо отметить, что на писаницах юртообразные жилища встречаются в нескольких видах (см. рис. 1–3).

Изображая такие поселения древний художник должен был иметь какой-то реальный его прообраз, для того чтобы воплотить замысел в столь высоком детальном художественном стиле. На наш взгляд, изображения Боярских писаниц предстают отражением реальности и являются вариациями типов жилищ эпохи тагарской культуры, наглядно воплощенных художником в камне.

Разные типологические виды жилищ обусловили применение разного материала, используемого для изготовления жилищ, что заметно на петроглифах. Сопоставляя известные типы жилищ аборигенного населения этнографического периода региона [8], отмечено широкое использование дерева: для кровли – коры деревьев, срубных конструкций лиственницы. Существование жилищ срубной конструкции в эпоху

тагарской культуры вполне может быть обусловлено расцветом металлургии меди и горного дела. Н.Л. Членова начало местного производства черного металла связывает с проникновением в Южную Сибирь импорта железа с территории ахеменидского Ирана таштыкским населением в конце I тыс. до н. э. [21. С. 222]. Древние тагарские горные выработки, обильно представленные в Минусинской котловине, свидетельствуют о большой роли и распространенности металлоизделий из бронзы, меди и не ранее III в. до н. э. из железа в быту тагарцев [22. С. 139]. Большое количество изделий из металла и их ассортимент свидетельствуют о высоком уровне бронзолитейного дела [23].

Развитая деревообработка, при условии использования и широкого применения орудий из металла для деревообработки, позволяла строить срубные деревянные сооружения. И если в отношении срубных жилищ мы можем сказать об этом менее утвердительно (исходя из малого количества сохранившихся срубов тагарских жилищ), то деревянные конструкции погребальных камер в виде срубов рубленных «в лапу», «в обло», горбыль и изготовление тонких досок являются реальными материальными свидетельствами профессионализма в деревообработке. Применение в технологии строительства топоров бронзовых, проушных (плоскообушных и фигурнообушных) [2. С. 131] осуществлялось как для погребальных сооружений, так и для изготовления жилых домов.

Бытовые памятники тагарской культуры в настоящее время археологами изучены слабо, а количество поселений и исследованных ими жилищ с хозяйственными постройками немногочисленно. Эти причины не позволяют в полной мере реконструировать облик тагарского жилища. Однако археологические немногочисленные свидетельства представляют весьма значимые материалы. Так, на стоянке Есаульской под г. Красноярском был обнаружен большой очаг около двух метров с кострищем на дне, а других остатков обнаружено не было. Находка вызвала предположение, что жилище было юртообразным [24. С. 178]. К югу от Красноярска были найдены остатки деревянного рубленного дома 4×4 с остатками тагарской керамики. Устройство кровли, к сожалению, проследить не удалось [2. С. 167]. Изучение Шестаковского укрепленного поселения (с. Шестаково Кемеровской области) (III–I вв. до н. э.) принесло большие результаты в отношении возможностей для реконструкции облика жилищ. Археологами были обнаружены остатки срубных наземных жилищ с двором, включающим хозяйственные ямы (погребки) и надворные постройки. Одно из жилищ представляло собой остатки наземного строения с очагом в центре. Обнаруженные ямы от опорных столбов имели наклон в сторону центра жилища, что может быть свидетельством шалашеобразной формы этого жилища [25. С. 219]. Аналогичные находки были сделаны в Пазырыкских курганах на Алтае где были найдены остовы предполагаемых чумов из древков, крытых войлоком, они были связаны ремнем и могли устанавливаться быстро [26. С. 78]. Данная коническая форма жилища в классификации М.Б. Абсалямова относится к разряду жилищ конической формы ша-

лашного типа. Его конструкция проста: вкопанные наклонные жерди перекрещивались вверх, оставляя отверстие для выхода дыма, сверху они были обложены жердями и корой деревьев, очаг располагался по середине [27. С. 38–40].

В целом для тагарской культуры наиболее характерными были жилые постройки наземного срубного типа, конструктивно напоминающие устройство деревянных поминальных сооружений, также постройки из камня и глины [28; 29. С. 96; 30; 31].

Археологические свидетельства, полученные в результате раскопок жилищ, ограничены степенью сохранности их конструкции. Это можно отметить, на примере раскопок поселений тагарской эпохи в Хакасии. Так, в Усть-Абаканском районе археологами была детально обследована территория между Подкуниным и Оглахтинским хребтами. Наибольший интерес вызвали памятники Подкуня-I, Узунхыр и Сагыт [32]. На памятнике Подкуня-I были обнаружены детали конструкции предположительно внутренней и внешней облицовки стены дома, остатки прямоугольных конструкций, выложенных из врытых вертикально в землю плит песчаника. Плиты вкопаны параллельно друг другу, образуя тем самым внутренние и внешние прямоугольники. Имеющийся с южной стороны конструкции разрыв можно интерпретировать как вход.

Памятник Узунхыр включает в себе 8 конструкций, похожих на подкунинские (сарагашевский этап тагарской культуры, IV–III в. до н. э.). Характер поселений был долговременный, что предполагало их стационарность, т.е. постоянность. Когда одни дома разрушались, их разбирали для постройки новых. Позднее конструкции расположены поверх ранних и довольно сильно от них отличаются: ранние – четырехугольные, из врытых в два ряда вертикальных плит песчаника, поздние – округлые, в которых плиты уложены горизонтально в несколько рядов. Округлые

конструкции встречены еще на одном памятнике – Сагыт. Фундаменты жилищ округлые, в чем-то похожие на поздние конструкции с Узунхыра, а само поселение обнесено небольшой стеной, в плане образующей неправильный круг.

Интересен выбор места для постройки жилищ, что упоминает В.А. Минор, он не был привязан к наличию водоема. Близлежащие водоемы, например, как в случае с памятником Узун-Хыр, находились в отдалении до 3 км. Такая особенность позволяет говорить о том, что эти поселения, видимо, зимнего типа. Отсутствие воды поблизости компенсировалось снегом. Поселения хронологически соответствовали эпохе зарождения полукочевого и кочевого скотоводства, что привело к созданию сезонных селений летников и зимников. В пользу зимников играет факт конструкции домов с толстыми стенами, очевидно, из прессованной глины и земли и входом на юг [32. С. 19].

Археолог В.А. Минор, опираясь на исследования данных тагарских поселений, предлагает возможным говорить о появлении нового вида памятников – тагарских долговременных поселений [33. С. 200]. Однако имеющиеся данные археологических находок рассматриваемых жилищ малоинформативны. Они дают весьма мало информации о конструкции стен жилищ, такие их параметры, как высота и другие, остаются под вопросом. Особенности перекрытий жилищ тагарской культуры реконструкции не подлежат. Справедливо отмечено, что задача воссоздания конструкции перекрытий в жилищах древности является для археологии одной из наиболее трудных задач [34. С. 73]. Все приведенные данные и суждения отражают современное состояние этапа исследований поселений тагарской культуры.

Отличительной особенностью жилищ Бояр является особая конструкция крыш, представляющая характерные кровли с элементами в виде загибающихся кверху в месте стыка частей остова жилища (верхнего сруба) и настила кровли (см. рис. 2–4).

Рис. 4. Малая Боярская писаница. Жилище срубного типа с очагом (фото автора; без масштаба)

Данная «конструкция» получила название «курицы», по одноименным конструктивным особенностям элементам кровли из русского зодчества. Тагарская культура была неотъемлемой частью обширного культурного единства, сложившегося в степной полосе Евразии от северных районов современного Китая на востоке до Дуная на западе, поэтому вполне закономерным было заключение А.В. Адрианова, который видел в «курицах» на кровле жилищ Боярских писаниц «характерную китайскую архитектуру с ее многоэтажными крышами» [35. С. 54]. Действительно, загнутые крыши домов и других построек – пожалуй, самая знаменитая и характерная в настоящее время черта китайского зодчества. Появление загнутых сверху карнизов крыш жилых домов в Южном Китае относится уже к середине I тыс. Данную форму крыши, по мнению исследователей, более вероятно соотносить с небесным началом мироустройства, чем с практическими потребностями [36. С. 445–446]. Для Севера же Китая обычными были крыши домов прямые и почти плоские. В связи с этим сомнительно сопоставлять и выводить генезис крыш жилищ Бояр из китайского архитектурного зодчества, скорее наоборот, исходя из хронологической датировки писаниц, они предшествовали сложению китайской традиции изготовления крыш жилищ и должны рассматриваться отдельно, вне зависимости от эволюции своего развития из культуры Китая.

М.П. Грязнов считал, что «курицы» – это «концы горизонтальных бревен, сдерживающих жерди или колья, на которых бревна лежат» [4. С. 43]. Также можно предположить, что концы, возвышающиеся над остовом жилищ Боярских писаницах, есть не что иное, как развилины несущих столбов, на которые крепилась верхняя обвязка остова, служившая основанием крыши. Подобная конструктивная особенность в этом случае будет весьма схожей с характерным архаичным непереносным жилищем «Ат-иб» у хакасов [37. С. 17].

Возможно, поиски значения конструктивных элементов жилищ – «куриц», лежат в диаметрально противоположной плоскости⁷. Изображения «куриц» могут представлять собой образ, не являющийся конструктивной деталью представленных жилищ. «Курицы» могли иметь или заключали в себе смысл придания конструкциям облика некой торжественности, праздника или события в рамках изображенного композиционного церемониала, отраженного на Боярских писаницах. Могли наполнять функционально жилище элементами «важности», «значимости» (например, быть художественным выражением социальной значимости членов тагарского общества), что вполне соизмеримо с уровнем общественного развития тагарского общества. Культура тагарцев и их современников племен скифского мира достигла высокого уровня общественного развития, свидетельством этого является известная дифференциация в обряде погребения соплеменников. Так, более престижные вещи и предметы, используемые при погребении, соответствовали более высокому социальному статусу [2, 4, 38] и уровню развития производительных сил. А.М. Кулемзин, при выявлении более дробной градации внутри

погребального обряда погребенных тагарских воинов, пришел к выводу, что среди тагарского населения выделяется особая категория людей войны, функцию которых выполняли пастухи [39]. Изучение Большого Салбыкского кургана позволило пересмотреть ранее сложившиеся представления об уровне развития тагарского общества в сторону более сложной его социальной стратификации [18. С. 3]. Размеры и сложность конструкций погребальных сооружений и жилищ всегда свидетельствуют о положении в обществе человека, его роде и знатности. Сложная социальная стратификация, характерная для тагарского общества, вполне могла определять, каким типом жилища мог обладать человек.

Более важно здесь то, что «курицы» встречаются на всех представленных жилищах писаниц, в том числе юртообразных (см. рис. 5). Примеров в этнографии наличия «куриц» как конструктивных особенностей кровли юрт нет. Поэтому с большей долей вероятности эти «детали конструкций крыш» несли в себе и подразумевали торжественность атмосферы церемониала и были выражением социальной статусной роли его жителей. Таким образом, в изображении «куриц», которые исследователи относят к ряду конструктивных деталей жилищ Боярских писаниц мы видим не содержательные элементы, а элементы выразительные в общей композиции рассматриваемых сюжетов.

Все представленные на писаницах жилища относятся к разным типам, что позволяет заключить их не типичность только для одной местности региона распространения тагарской культуры. Видимо, они представляют собирательные образы всех типов жилищ той эпохи и, возможно, как уже отмечалось выше, были вполне дифференцированы по социальному статусу их владельцев⁸. Жилища срубной деревянной конструкции вполне могли быть распространены в таежной или подтаежной местности или являться зимним вариантом жилищ. Юртообразные жилища более соответствовали степной и лесостепной части региона. Тагарская культура базировалась на скотоводстве и земледелии, а проживание в природно-географических условиях изолированной Минусинской котловины обуславливало специфику материальной культуры тагарского населения, как, впрочем, и других культур, в том числе и автохтонного населения ХМК этнографического периода. Фактически особенность хозяйственной деятельности тагарцев представляется для нас соответствующей типологическим характеристикам жилищ на петроглифах.

Другой важной особенностью жилищ Бояр является четкая прорисовка очага (см. рис. 4) в проеме входа⁹. Если мы обратимся к планиграфическим изображениям жилищ, которые представляют жилище в плановой проекции сверху, то изображение здесь очага вполне закономерно [40, 41]. Учитывая плоскостность передачи изображений жилищ Бояр, очаг должен быть скрыт, но прорисовка его художником, на наш взгляд, намеренна. Проблема трактовки его изображения находится в области мифологического объяснения его ритуальной семантики. Открытый вход в жилище и видимость очага в проеме входа неслучайно, он является отражением синкретичности изобра-

женного события в единстве структурности Вселенной. Здесь смысл изображения очага не в его известном для жилища прямом функциональном предназначении реальной сферы бытия. Его прорисовка в жилищах писаниц, видимо имела особую значимость для художника, придавая жилищам некий сакральный смысл единения с окружающим миром и миров в целом, выражая собой отсутствие известной «пороговости» жилища как пространства окультуренного. Доступное взору изображение и прорисовка очага есть смысл придания жилищам некой открытости его внутреннего пространства и его вовлеченности в общую семантическую концепцию изображенного сюжета. Когда же это единение было необходимо показать, то изображали очаг именно так. Таким образом, значение очага, по нашему мнению, является одной из ярких черт сюжетной линии древнего церемониала изображенного в композиции писаниц.

Исследователями отмечено сходство конструкций жилищ и погребальных сооружений в Сибири [42. С. 184; 43. С. 16, 17, 48]. Фактически смысл заключается в представлении о том, что если погребальные сооружения отличаются сложностью конструкции, то вполне и более вероятно, что подобные конструкции могли быть использованы или повторялись в реальных постройках этого населения. Например, изготовление бревенчатого сруба методом «в лапу», «в обло» практиковалось древними тагарцами при захоронениях своих соплеменников. Э.Б. Вадецкая, описывая гробницы тагарцев, предполагает, что они изготавливались по типу жилых домов тагарцев: «Это были полуземлянки, стенки которых укреплены тонкими бревешками, поставленными вплотную друг к другу. Такой деревянный сплошной забор из вкопанных кольев назывался в конце XIX в. тыном или частоколом. Вплотную к тыну ставили сруб, наподобие избы, с дощатым полом и потолком. Яму закрывали несколькими накатами бревен, поверх них берестой, иногда плитками и всегда брикетами дерна. Покойников клали на пол, а в случае особенно большого числа укладывали или рассаживали на полати из досок или бревен, вставленных в щели между нижними венцами сруба. Полати – лежаки – устраивали с двух или трех сторон сруба» [44. С. 70]. Погребальные камеры вполне могли быть имитацией жилищ, вплоть до воссоздания его внутренней интерьеры. Маловероятно, что такая сложная техника изготовления погребальных конструкций в виде «домов» в гробницах у тагарцев не была ими востребована при реальном изготовлении жилищ. Как и то, что конструктивные особенности «домов» гробниц – дощатые полы, потолок, полати – не были характерны и для их реальных традиционных жилищ. Поэтому многочисленность погребальных камер срубного типа с полами и перекрытиями позволяет утверждать об устойчивой традиции деревянного строительства.

В последующие эпохи у хакасов дома мертвых, в которых обитала душа погребенного, в традиционном народном сознании ассоциировались с реальными постройками. Так, у бельтыр в XIX в. Н.Ф. Катановым была записана легенда о существовании чудского народа, курганы которых являлись их жилищами,

державшимися на подпорах. Когда выросла белая береза, то чудский народ сказал: «Родился Белый Царь (т.е. русский царь). Чем нам жить с ним, лучше наложим на себя руки!» С этими словами чудский народ подрубал подпоры своих жилищ и был задавлен в них под весом землей, которая была на крышах [45. С. 56]. Некоторые черты обряда захоронения умершего человека у койбалов имитировали черты курганных сооружений: могилу умершего после засыпания землей обкладывали с боков каменными кучами [Там же. С. 70]. В.Г. Карцов отмечал, что у жилищ на Боярских писаницах концы фасадных стропил выступают вверх и перекрещиваются, что напоминает избушки на могилах сагайцев. Качинцы могилы покойников обкладывали плитами, а богатые делали деревянные голбчики (надмогильные памятники в виде срубов) и ставили кресты или простые столбики в зависимости от того, крещен или нет [46. С. 112]. Срубные бревенчатые жилища наиболее достоверно реконструируются по погребальным сооружениям тагарских курганов. По мнению И.Л. Кызласова, многоугольные жилища с шатрово-купольной крышей и размещением очага по центру – это единственная форма традиционного саяно-алтайского жилища, которая отличает тюркские народы и увязывается с тюркоязычными пришлыми народами рубежа н. э. Жилища – «иб», по его мнению, изображены на Боярских писаницах, они же послужили основой для создания переносной войлочной юрты [47. С. 95–130]. Таким образом, срубные жилища в своих особенностях сопоставимы с конструкциями изученных срубов погребальных камер тагарской культуры, а универсальные строительные приемы их возведения применимы при постройке жилищ.

Реконструкция древних жилищ представляет для исследователей большую сложность по причине плохой сохранности остатков подобных сооружений, а их интерпретация у исследователей, как правило, сводится к известным для этнографов типам жилищ. Случаи восстановления внешнего облика сооружений путем археологической реконструкции весьма редки. Примером выступают постройки (жилища) Торгажака, которые Д.Г. Савинов сопоставляет со степными жилищами якутов – юртой-балаганом – и хакасским архаическим жилищем «ат-иб»¹⁰. Он считает, что они восходят к общему пласту (прототипу) домостроительной традиции поздней бронзы, воплощенной в постройках Торгажака [48. С. 514–522]. Открытие в Хакасии Торгажака подтверждает эту линию сопоставлений.

Изображения жилищ на писаницах приводят к мысли о сосуществовании в период господства тагарской культуры нескольких типов жилищ: бревенчатых – наиболее достоверно реконструируемых по погребальным сооружениям тагарского времени, и юртообразных, по мнению исследователей, возникших, эволюционировавших и развивающихся исторически от деревянных. Решение вопроса об юртообразных жилищах – насколько его можно интерпретировать как переносное и в полном понимании смысла считать юртой – затруднено плохой степенью сохранности таких жилищ либо их отсутствием в археологиче-

ских находках¹¹. Видимо, доказательную базу в пользу этой теории еще предстоит найти исследователям. До той поры, пока подобные свидетельства не будут обнаружены, говорить о переносном характере жилищ можно только предположительно.

Следующей проблемой является сезонность характера жилищ и поселений тагарского населения в связи с образом жизни его обитателей. Мнения о роли и развитии земледелия и его влиянии на жизнь тагарского общества у исследователей расходятся. Об орошаемом земледелии как важной и значительной отрасли хозяйства тагарцев писал С.В. Киселёв, который обнаружил следы пашни у современного с. Знаменка Богградского района в Хакасии, которое находится территориально близко от рассматриваемых нами Боярских писаниц [22. С. 137]. Об оседлой земледельческо-скотоводческой культуре тагарцев говорил А.И. Мартынов [29. С. 106]. Л.Р. Кызласов Минусинской котловине отводил роль центра продуктивного ирригационного земледелия [49. С. 31–34]. В настоящее время преобладает точка зрения о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве тагарцев [50. С. 88; 51. С. 151]. В вопросе соотношения земледелия и скотоводства и их роли в тагарской культуре у исследователей до сих пор нет единого устоявшегося мнения, что обусловлено спецификой археологического материала. Вопрос характера поселений тагарского населения остается открытым, предположительно характер жилищ как постоянных подтверждается имеющимися в распоряжении археологическими данными, сезонность жилищ косвенно подтверждается аналогичными современным природно-географическими особенностями региона, преобладающей формой хозяйственной деятельности тагарского населения, способствующей развитию жилищ, адаптированных к условиям проживания.

Анализ имеющихся археологических, этнографических данных и писаниц Боярского хребта позволяет констатировать следующие положения.

1. Рассматриваемые жилища Бояр, предстают для нас образцом реальных построек тагарской культуры, изображенных в камне. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует визуальная сложность их конструкций и

типологическое разнообразие, которое навряд ли явилось результатом творческого вымысла художника(ов) древности. Прямым свидетельством их реалистичности (что применимо для жилищ срубного типа) являются схожесть срубной конструкции деревянных погребальных камер с конструкциями жилищ тагарского населения.

2. Имеющаяся совокупность данных археологических и этнографических материалов, наскальных изображений с большей долей вероятности позволяет реконструировать жилища срубного типа, представленных на писаницах. У народов Саяно-Алтая хронологически бытование деревянных домов отмечено на Алтае – пазырыкская культура [52. С. 56; 53. С. 257; 54. С. 37, 45], в Тыве и Северо-Западной Монголии – уюкская культура [43. С. 16, 17, 48], в Хакасии – в рассматриваемой нами тагарской культуре. Привлечение данных археологии в подтверждение срубных конструкций этих жилищ происходит через обращение к погребальным конструкциям сооружений. По мнению И.Л. Кызласова, обращение к ним с учетом стадильности присущего им символизма вполне сопоставимо для раннего железного века, когда жилище воспроизводилось в конструкции могил, а курганные постройки воссоздавали облик Вселенной [47. С. 96].

Используемые нами этнографические материалы по культуре хакасов для возможностей сопоставления материала по типам, конструктивным и пространственным особенностям жилищ и образа жизни рассматриваемых народов обусловлено схожестью условий их образа жизни в Минусинской котловине. В этой связи сопоставление основных типов жилищ и схожесть хозяйственной деятельности представляется для нас возможными и вполне закономерно обусловленными. Жилище, как наиболее устойчивая сфера материальной культуры, позволяет сопоставлять жилые постройки тагарской культуры с конструкциями известных этнографических типов жилищ коренных народов Саяно-Алтая. Однако остается неизвестным и неопределенным ряд конструктивных особенностей жилищ тагарцев, например, таких как: перекрытие крыш, параметры жилищ и их планиграфия.

Рис. 5. Малая Боярская писаница. Возможный вариант жилища из глины (фото автора; без масштаба)

3. С жилищем юртообразного типа на писаницах связывается большая неопределенность. Предположительный их переносной характер, проследить не удастся. Тем самым мнения об отнесении возникновения юрты к эпохе тагарской культуры, на данный момент, безосновательны. Причина подобной ситуации кроется в степени сохранности материала и отсутствии данных, которые могли бы стать свидетельством этого. Традиционное тюркское жилище народов Южной Сибири «иб» – срубное или столбовое с очагом в центре, крытое корой лиственницы или берестой, многоугольное или круглое по форме – является предшественником и прообразом переносной войлочной юрты. Все представления исследователей строятся на этом утверждении, а обратные мнения ошибочны [47. С. 97; 55. С. 48].

4. Проблемным остается соотнесение конструкций жилищ, зафиксированных археологами, с представленными видами и типами жилищ на писаницах. Имеющиеся археологические данные о жилых постройках из камня и глины эпохи тагарской культуры, на наш взгляд, представленных образно на писаницах (см. рис. 5), вероятно, восходят к жилищам насыпной конструкции стен или глинобитному дому.

Подобные конструкции жилищ, могли сложиться на соответствующих им безлесных территориях лишенных другого природного материала для постройки. Данный тип жилища отражает его эволюцию и специфику миграций тагарского населения в Минусинскую котловину. Жилища из камня и глины тагарского населения типологически не сопоставимы с традиционными жилищами хакасов ввиду их отсутствия у последних.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особенностью археологических культур Минусинской котловины является то, что связи с западными районами здесь сочетались с изоляцией от них [1. С. 672].

² С.В. Киселев, отмечал, что «несчастной особенностью минусинской археологии является разрушенность культурных слоев на приречных дюнах», что служило главной причиной гибели тагарских селений [2. С. 146].

³ Надо отметить, что изображения жилищ в наскальном искусстве Центральной Азии встречаются крайне редко, поэтому представляют значительный интерес. Данную особенность М.А. Дэвлет объясняет тем, что человек в основном предпочитал изображать те объекты и инновации, которые были связаны с максимальным эмоциональным напряжением, поражали его воображение и от чего зависело само существование первобытного коллектива [10. С. 233–234]. Интерпретация образов наскального искусства, предложенная М.А. Дэвлет, применимая к Боярским писаницам, на наш взгляд, в большей мере служит примером реалистичности прототипа для наскальных образов жилищ Бояр.

⁴ Свидетельством его наличия является единственное изображение колесной повозки на погребальных памятниках раннескифского времени Тувы Аржан-2 [18. С. 56, 65].

⁵ При объяснении семантики петроглифов преобладает универсальная (мифологическая) концепция их трактовки, т.е. мифологичности системы мировоззрения древних людей, отраженной в наскальных изображениях. См., например [19]. Неоднозначность смыслового содержания петроглифов – предметное поле для их изучения. Наполнять все петроглифы только мифологическим смыслом не верно, так как в этом случае их трактовка будет весьма ограниченной в виду исключения изображений или сюжетов (части сюжетов петроглифов), представляющих сферу реального бытия людей прошлых эпох.

⁶ О.С. Советова, анализируя сходство и различия петроглифов и мелкой пластики тагарской культуры, отмечает отсутствие антропоморфных фигур среди наскальных изображений и на плитах оград курганов в пластике. Эта особенность «тагарского искусства» остается загадкой, но совершенно закономерно, как отмечает автор, дает «возможность судить не только об эстетических идеалах эпохи, но и о мировоззрении его создателей» [20. С. 76].

⁷ Ранее мы высказывали мысль, на примере русского деревянного зодчества, о похожей апотропеической функции «журиц» применительно к жилому помещению тагарского населения [50. С. 111]. Однако дальнейшее изучение Боярских писаниц и жилищ тагарской культуры дает нам основания склоняться к мысли об их неконструктивном предназначении.

⁸ Придерживаясь научного осмысления заявленной нами темы работы, все же упомянем об представлении образов Боярских писаниц, по большей части жилищ, в восприятии хакасских шаманов. 18 марта 2017 г. состоялось проведение шаманского обряда, обращения к духам местности. В обряде принимали участие три известных в Хакасии шамана: потомственная шаманка Людмила Васильевна Кобежекова, 06.12.1955 г.р., родилась в с. Новомарьясово, Красноярского края: два других шамана пожелали не распространять информацию об их личностях, как и предпочли не сниматься на фото- и видеоаппаратуру. Информация, полученная в результате проведения обряда, со слов шаманов, следующая. Поселения вблизи места писаниц (Малой и Большой писаниц) не было. На писаницах изображено некое празднество, для сравнения применялся термин «Той» (праздник, пир). Жилища, представленные на писаницах, принадлежали разным по статусу и имущественному положению людям, все они разные и из разных мест, как и люди, которые на писаницах изображены.

⁹ О священности огня у тагарцев свидетельствует использование ими «штандартов» – факелов, которые служили для поддержания священного, очищающего огня.

¹⁰ Традиционное жилище хакасов «ат-иб» (другое название – «хахпас иб») получило меньшее распространение. Оно представляло собой непереносную корьевую юрту, распространенную в подтаежных районах Хакасии. Основанием дома каркасно-столбовой конструкции служили четыре лиственных столба, вкопанных в землю в форме прямоугольника. Верхние концы столбов имеют развилины, в которые вставлены концы передних и задних поперечных брусьев, имеющие на концах выемы. В выемах лежат два продольных бруса. Все вместе – продольные и поперечные брусья, являются верхней обвязкой. Крыша представляет собой круглые жерди, сложенные в клетку, концы которых уложены друг на друга и врублены «в лапу». Крыша имеет выпуклую форму с дымовым отверстием. Стены состоят из досок или круглых жердей, установленных наклонно. Верхние концы их опираются на обвязку, а нижние образуют круглое основание жилища. Остов покрывали кусками коры лиственницы, которую придавливали досками, жердями. Дверь, которая открывалась наружу, делали с восточной стороны. Пол был земляной, очаг находился посередине юрты. «Ат иб» напоминал своей формой усеченную пирамиду и своей конструкцией полностью соответствовал шалашу, который сооружали хакасы-земледельцы и охотники в тайге – называвшийся «отах». Отличие состояло в том, что «отах» обкладывали для тепла снаружи дерном или засыпали землей, и он являлся временным жилищем.

¹¹ С.И. Вайнштейн ввел типологию наименования юртами лишь жилища с цилиндрическим решетчатым каркасом стен. Все споры и дискуссии о том, что переносная юрта была известна евразийским кочевникам в конце I тыс. до н. э., будут иметь свое решение, на наш взгляд, только в том случае, если у исследователей будут материальные свидетельства о ее разборной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Членова Н.Л. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы междунар. симп. : в 2 т. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 670–683.
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии. М. ; Л. : АН СССР, 1949. Вып. 9. 364 с.

3. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М. : ИА РАН, 2011. 382 с.
4. Грязнов М.П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7-8. С. 41–45.
5. Дэвлет М.А. Большая боярская писаница. М. : Наука, 1976. 39 с.
6. Дэвлет М.А. Новая боярская писаница // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 137–138.
7. Русакова И.Д. Петроглифы западной части Боярского хребта в Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 120–124.
8. Прищепа Е.В. Сопоставление изображений жилищ Боярских писаниц с особенностями традиционных жилищ и образом жизни населения Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX веках // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2017. Т. 16, № 3. Археология и этнография. С. 108–116.
9. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М. : Алетея, 2005. 472 с.
10. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. № 4. С. 42–62.
11. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
12. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
13. Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропюю тысячелетий: к юбилею М.А. Дэвлет / под ред. Д.Г. Савинова, О.С. Советовой. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. С. 53–69.
14. Советова О.С. Мелкая пластика и петроглифы тагарской эпохи (общее и особенное) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 75–76. (Тр. Сиб. ассоциации исследователей первобытн. искусства; вып. III).
15. Абсаямов М.Б. Очерки истории культуры Сибири. Красноярск : FAMILIA, 1995. 224 с.
16. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. 600 с.
17. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во МГУ, 1994. 142 с.
18. Марсадолов Л.С. Наследие Большого Салбыкского кургана в культуре Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2011. № 1. С. 3–11.
19. Усманова М.С. Дерево в традиционных представлениях хакасов // Вопросы этнокультурной истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. В.М. Кулемзин. Томск : ТГУ, 1980. С. 100–106.
20. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
21. Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–223.
22. Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И., Худяков Ю.С. Археология Хакасско-Минусинского края. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. 224 с.
23. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисей. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983. 192 с.
24. Карцов В.Г. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай // УЗ ХАКНИИЯЛИ. 1960. Вып. VIII. С. 169–181.
25. Мартынов А.И. Шестаковское поселение по материалам раскопок 1976 г. // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. 608 с.
26. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., ил.
27. Абсаямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 34–42.
28. Мартынов А.И. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах // Советская археология. 1973. № 3. С. 163–173.
29. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
30. Абсаямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 34–42.
31. Кызласов И.Л. Праторские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва ; Самара, 2005. 96 с., ил.
32. Минор В.А. Отчет об археологической разведке на территории г. Абакана и Усть-Абаканского района РХ. Абакан, 2011. 71 с.
33. Минор В.А. Предварительные итоги обследования тагарских поселений в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия // Материалы юбилейных X межрегиональных краеведческих чтений им. В.А. Баландиной, 25 февраля 2011 года. Музей истории города Черногорска. 2011. С. 200.
34. Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 72–81.
35. Адрианов А.В. Писаница Боярская // Известия РКИСВА. СПб., 1906. № 6. С. 53–59.
36. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М. : Астрель, 2000. 632 с.
37. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан : Хакасское отд-е Краснояр. книж. изд-ва, 1982. 88 с.
38. Дэвлет М.А. Погребальные сооружения тагарской культуры // Вестник ЛГУ. 1958. № 4. 67 с.
39. Кулемзин А.М. Войны древнего тагарского общества. URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Kulemzin_Voynyi_Tagarskoe_obshtestvo.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
40. Мартынов А.И. Ягуния. Кемерово : КПИ, 1973. 320 с.
41. Дэвлет М.А. Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов). URL: http://rockart-studies.ru/pdf/Devlet_MA_Drevniye_zhilischa_Miroponimanie_2006.pdf (дата обращения: 01.02.2017).
42. Соколова З.П. Жилища народов Сибири. Опыт типологии. М. : Три Л, 1998. 284 с.
43. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
44. Вадецкая Э.Б. Имитации мертвых для продления их жизни // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сб. ст. / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул : Азбука, 2007. Вып. I. С. 66–80.
45. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-литография Императорского Казанского университета, 1897. 104 с.
46. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Живая старина-III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX – начало XX века). Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2010. С. 101–126.
47. Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2009. С. 95–130.
48. Савинов Д.Г. Жилища Торгожака – якутский балаган (опыт историко-культурной корреляции) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 514–522.
49. Кызласов Л.Р. Эпоха разложения первобытно-общинных отношений и создание ранней государственности // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 29–43.
50. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск : Наука, 1977. 256 с.
51. Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 232 с.
52. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган (Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г.). Предварительное сообщение. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с., табл.
53. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.: ил.
54. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
55. Мангулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата : Казгосиздат, 1959. 259 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 сентября 2017 г.

RECONSTRUCTION PROBLEMS OF DWELLINGS OF THE TAGAR CULTURE OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 153–163.

DOI: 10.17223/15617793/427/21

Yevgeny V. Prishchepa, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: pri-evg@mail.ru

Keywords: Khakass-Minusinsk Basin; Tagar culture; Boyar carvings; design features of dwellings; log and yurt-shaped dwellings; traditional dwellings of the Khakass.

The study of the dwellings of the Tagar Culture of the Khakass-Minusinsk Basin (KhMB) is important for solving problems related to the ethnic and cultural development of the Tagar society in the region. In the work the author aims to reconstruct the Tagars' dwellings on the basis of petroglyphs of Boyar carvings, some archaeological and ethnographic data about the culture and lifestyle of the indigenous population of the KhMB as a result of the comparative analysis. The article analyzes their possible typological and constructive appearance. The reconstruction of design features of dwellings makes it possible to consider them as a reflection of the level of development of the physical and socio-economic culture of the Tagar society of the first millennium BC. The performed reconstruction suggests that dwellings of a log construction, which were probably long-term, existed. The clear evidence of this is dwellings of a log type in Boyar carvings which are most reliably reconstructed according to the numerous funerary structures of the Tagar time. In this case, it is possible to speak about general methods applicable for building both domestic constructions and funerary structures. Dwellings of yurt-shaped typological constructions must be considered as another type of dwellings that existed in the Tagar Culture, as evidenced by a number of archaeological excavations and their images in petroglyphs. Apparently, the third type of dwellings was structurally built from stone and clay. Images of such dwellings stand figuratively in Small Boyar carvings, and the archaeological proof is their recent discoveries at the sites Podkunya-I Uzunkhyr and Sagyt. The author analyzes a part of rock art patterns of Boyar carvings, which suggests a new approach to the solving of the problem of interpretation of such design features of the Boyars' dwellings as the "chicken", which, in the author's opinion, are elements of the expressive value and the semantic meaning of home in the overall plotline of petroglyph composition. The author comes to a conclusion that problems of reconstruction of dwellings reflect the current knowledge of the Tagar Culture and its undiscovered distinctness. New archaeological discoveries of dwellings and settlements of the Tagar Culture and their further scientific study, presumably, will bring us closer to the understanding of dwelling constructions, their kinds and typologies, settings, planigraphy of living spaces, and, in general for the Tagar epoch, it will help solve the problems of the extension of settlements, their socio-economic conditions, and many other aspects associated with them.

REFERENCES

1. Chlenova, N.L. (1998) Minusinskaya kotlovina i Sibir': kontakty i izolyatsiya [Minusinsk Basin and Siberia: contacts and isolation]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Proceedings of the international symposium. In 2 vols. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Enography of the SB RAS.
2. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Ancient history of Southern Siberia. Materials and research on archeology]. Vol. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Devlet, E.G. & Devlet, M.A. (2011) *Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Treasures of rock art of North and Central Asia]. Moscow: IA RAS.
4. Gryaznov, M.P. (1933) Boyarskaya pisanitsa [Boyar pisanitsa]. *Problemy istorii material'noy kul'tury*. 7–8. pp. 41–45.
5. Devlet, M.A. (1976) *Bol'shaya boyarskaya pisanitsa* [The major Boyar pisanitsa]. Moscow: Nauka.
6. Devlet, M.A. (1997) Novaya boyarskaya pisanitsa [The new Boyar pisanitsa]. In: Kiryushin, Yu.F., Kungurova, N.Yu. & Stepanova, N.F. (eds) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri* [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
7. Rusakova, I.D. (2013) Petroglify zapadnoy chasti Boyarskogo khrebra v Khakasii [Petroglyphs of the western part of the Boyar Range in Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1 (5). pp. 120–124.
8. Prishchepa, E.V. (2017) Comparison of dwellings depicted in Boyar petroglyphs with traditional dwellings of the Khakass-Minusinsk region locals and their way of life in 18th–20th centuries. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University, Series: History and Philology*. 16:3. pp. 108–116. (In Russian).
9. Devlet, E.G. & Devlet, M.A. (2005) *Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii* [Myths in stone. The world of rock art of Russia]. Moscow: Aleteya.
10. Vaynshteyn, S.I. (1976) Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii [Problems of the history of the dwelling of the steppe nomads of Eurasia]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 42–62.
11. Vaynshteyn, S.I. (1991) *Mir kochevnikov Tsentra Azii* [The world of nomads of the Center of Asia]. Moscow: Nauka.
12. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
13. Chugunov, K.V. (2008) Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhan-mayemirskogo stilya) [Plates with petroglyphs in the complex of the Arzhan-2 mound (on the chronology of the Arzhan-Mayemir style)]. In: Savinov, D.G. & Sovetova, O.S. (eds) *Tropoyu tysyacheletiy: k yubileyu M.A. Devlet* [The path of millennia: to the anniversary of M.A. Davlet]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
14. Sovetova, O.S. (2007) Melkaya plastika i petroglify tagarskoy epokhi (obshchee i osobennoe) [Small works of plastic art and petroglyphs of the Tagar era (the general and the specific)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculpture and small works of plastic art of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azbuka.
15. Absalyamov, M.B. (1995) *Ocherki istorii kul'tury Sibiri* [Essays on the history of the culture of Siberia]. Krasnoyarsk: FAMILIA.
16. Raevskiy, D.S. (2006) *Mir skifskoy kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Mundane]. Moscow: Moscow State University.
18. Marsadolov, L.S. (2011) Nasledie Bol'shogo Salbyksskogo kurgana v kul'ture Khakasii [The legacy of the Big Salbik Mound in the culture of Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1. pp. 3–11.
19. Usmanova, M.S. (1980) Derevo v traditsionnykh predstavleniyakh khakasov [Tree in traditional representations of the Khakass]. In: Kulemzin, V.M. (ed.) *Voprosy etnol'noy istorii Sibiri* [Issues of the ethnocultural history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Subrakova O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
21. Chlenova, N.L. (1992) Tagarskaya kul'tura [The Tagar culture]. In: Rybakov, B.A. *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosа aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Archeology of the USSR. The steppe of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka.
22. Gotlib, A.I., Zubkov, V.S., Poselyanin, A.I. & Khudyakov, Yu.S. (2003) *Arkheologiya Khakassko-Minusinskogo kraya* [Archeology of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: Khakass State University.

23. Zavitukhina, M.P. (1983) *Drevnee iskusstvo na Enisey. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoy kolleksii* [Ancient art on the Yenisei. Scythian time. Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo.
24. Kartsov, V.G. (1960) Nekotorye osobennosti mogil'nykh sooruzheniy i obryada pogrebeniya v tagarskikh kurganakh bliz ulusa Sagay [Some peculiarities of grave constructions and burial rites in the Tagar mounds near the Sagai ulus]. *UZ KhakNIYaLI*. VIII. pp. 169–181.
25. Martynov, A.I. (1977) Shestakovskoe poselenie po materialam raskopok 1976 g. [Shestakovo settlement based on excavations in 1976]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological discoveries of 1976]. Moscow: Nauka.
26. Rudenko, S.I. (1953) *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of the Altai Mountains during the Scythian period]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
27. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [On the types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. In: Martynov, A.I. et al. (eds) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Is. 9. Kemerovo: Kemerovo State University.
28. Martynov, A.I. (1973) Novye materialy o tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh i zhilishchakh [New materials on Tagar-Tashtyk settlements and dwellings]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 163–173.
29. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka.
30. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [On the types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. In: Martynov, A.I. et al. (eds) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Is. 9. Kemerovo: Kemerovo State University.
31. Kyzlasov, I.L. (2005) *Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altayskikh drevnostey* [Proto-Turkic dwellings. Survey of Sayan-Altai antiquities]. Moscow; Samara: IA RAS.
32. Minor, V.A. (2011) *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke na territorii g. Abakana i Ust'-Abakanskogo rayona Rkh* [Report on the archaeological exploration in Abakan and the Ust-Abakan region of the Republic of Khakassia]. Abakan: [s.n.].
33. Minor, V.A. (2011) [Preliminary results of the survey of Tagar settlements in the Ust-Abakan region of the Republic of Khakassia]. *Proceedings of the anniversary X interregional local lore study readings n.a. V.A. Balandina*. February 25, 2011. Museum of the history of Chernogorsk. Chernogorsk: [s.n.]. pp. 200. (In Russian).
34. Beysenov, A.Z. (2017) Saka dwellings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 45. pp. 72–81. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/12
35. Adrianov, A.V. (1906) Pisanitsa Boyarskaya [The Boyar pisanitsa]. *Izvestiya RKISVA*. 6. pp. 53–59.
36. Malyavin, V.V. (2000) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow: Astrel'.
37. Patachakov, K.M. (1982) *Ocherki material'noy kul'tury khakasov* [Essays on the material culture of the Khakass]. Abakan: Khakasskoe otd-e Krasnoyar. knizh. izd-va.
38. Devlet, M.A. (1958) Pogrebal'nye sooruzheniya tagarskoy kul'tury [Burial constructions of the Tagar culture]. *Vestnik LGU*. 4.
39. Kulemzin, A.M. (1982) *Voyny drevnego tagarskogo obshchestva* [The wars of the ancient Tagar society]. [Online] Available from: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Kulemzin_Voyni_Tagarskoe_obshtestvo.pdf. (Accessed: 10.05.2017).
40. Martynov, A.I. (1973) *Yagunya*. Kemerovo: Kemerovo State Pedagogical Institute. (In Russian).
41. Devlet, M.A. (2006) *Drevnie zhilishcha narodov Severnoy i Tsentral'noy Azii (po materialam petroglifov)* [Ancient dwellings of the peoples of North and Central Asia]. [Online] Available from: http://rockart-studies.ru/pdf/Devlet_MA_Drevniye_zhilishcha_Miroponimanie_2006.pdf. (Accessed: 01.02.2017).
42. Sokolova, Z.P. (1998) *Zhilishche narodov Sibiri. Opyt tipologii* [The dwelling of the peoples of Siberia. Experience of typology]. Moscow: Tri L.
43. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Moscow State University.
44. Vadetskaya, E.B. (2007) Imitatsii mertvykh dlya prodleniya ikh zhizni [Imitations of the dead for the extension of their life]. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.) *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in a historical retrospect]. Is. 1. Barnaul: Azbuka.
45. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 goda v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip from May 15 to September 1, 1896 in the Minusinsk district of Yenisei Province]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.
46. Karatanov, I. (2010) Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. In: Burov, V.F. *Zhivaya starina-III. Kniga dlya chteniya po istoricheskomu kraevedeniyu (XIX – nachalo XX veka)* [Living Antiquity-III. A book for reading on historical regional studies (19th – early 20th centuries)]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo.
47. Kyzlasov, I.L. (2009) Novye poiski v altaistike. II. Arkheologicheskie razrabotki [New searches in the Altai studies. II. Archaeological developments]. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
48. Savinov, D.G. (1998) Zhilishcha Torgozhaka – yakutskiy balagan (opyt istoriko-kul'turnoy korrelyatsii) [Dwellings of the Torgozhak – the Yakut balagan (experience of historical and cultural correlation)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS.
49. Kyzlasov, L.R. (1993) Epokha razlozheniya pervobytno-obshchinnnykh otnosheniy i sozdanie ranney gosudarstvennosti [The era of the end of primitive communal relations and the creation of an early statehood]. In: Kyzlasov, L.R. (ed.) *Istoriya Khakastii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [History of Khakassia from ancient times to 1917]. Moscow: Nauka.
50. El'nitskiy, L.A. (1977) *Skifiya evraziyskikh stepey. Istoriko-arkheologicheskiy ocherk* [Scythia of the Eurasian steppes. A historical and archaeological essay]. Novosibirsk: Nauka.
51. Matyushchenko, V.I. (1999) *Drevnyaya istoriya Sibiri* [Ancient history of Siberia]. Omsk: Omsk State University.
52. Rudenko, S.I. (1948) *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan (Rezultaty rabot ekspeditsii IIMK AN SSSR v 1947 g.)*. *Predvaritel'noe soobshchenie* [The second Pazyryk mound (Results of the expeditions of the Institute of History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR in 1947)]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha.
53. Polos'mak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
54. Kubarev, V.D. & Shul'ga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture (Chui and Ursula burial mounds)]. Barnaul: Altai State University.
55. Mangulan, A.Kh., Basenov, T.K. & Mendikulov, M.M. (1959) *Arkhitectura Kazakhstana* [Architecture of Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazgosizdat.

Received: 22 September 2017